

Иван Сергеевич Тургенев. Несчастная

Собрание сочинений в десяти томах.
Гослитиздат, Москва, 1961
OCR Конник М.В.

...Да, да, -начал Петр Гаврилович, -тяжелые то были дни... и не хотелось бы возобновлять их в памяти... Но я дал вам обещание; придется все рассказать. Слушайте.

I

Я жил тогда (зимю 1835 года) в Москве, у тетушки, родной сестры покойной матушки. Мне было восемнадцать лет: я только что перешел со второго на третий курс "словесного" факультета (в то время он так назывался) в Московском университете. Тетушка моя была женщина тихая и кроткая, вдова. Она занимала большой деревянный дом на Остоженке, теплый-претепный, каких, я полагаю, кроме Москвы нигде не найдешь, и почти ни с кем не видалась, сидела с утра до вечера в гостиной с двумя компаньонками, кушала цветочный чай, раскладывала пасьянс и то и дело приказывала покурить. Компаньонки бежали в переднюю, несколько минут спустя старый слуга в ливрейном фраке приносил медный таз с пучком мяты на раскаленном кирпиче и, торопливо выступая по узким половикам, поливал ее уксусом. Белый пар обдавал его сморщенное лицо, он хмурился и отворачивался, а канарейки в столовой так и трещали, раздраженные шипением курува.

Тетушка очень любила и баловала меня, круглого сироту. Она отдала весь антресоль в полное мое распоряжение. Меблированы были мои комнаты весьма изящно, уж вовсе не по-студенчески: в спальне красовались розовые занавески, и кисейный полог с голубыми помпончиками возвышался над кроватью. Эти помпончики меня, признаюсь, несколько смущали: по моему понятию, подобные "нежности" должны были уронить меня в глазах моих товарищей. Они и без того прозвали меня институткой: я никак не мог заставить себя курить табак. Занимался

я, что греха таить, плохо, особенно в начале курса: много выезжал. Тетушка подарила мне широкие генеральские сани с мед-вежьей полостью и пару откормленных вятков. "Благородные" дома я посещал редко, но в театре был как свой - и пропасть поедал пирожков по кондитерским. Со всем тем я никаких бесчинств себе не позволял и вел себя скромно, "en jeune homme de bonne maison" ¹. Я бы ни за что не согласился огорчить мою добрую тетушку; к тому же и кровь у меня довольно спокойно обращалась в жилах.

II

Я с ранних лет пристрастился к шахматам; о теории не имел понятия, а играл недурно. Однажды в кофейной мне пришлось быть свидетелем продолжительной шахматной баталии между двумя игроками, из которых один, белокурый молодой человек лет двадцати пяти, мне показался сильным. Партия кончилась в его пользу; я предложил ему сразиться со мной. Он согласился... из течение часа разбил меня, шутя, три раза сряду.

- У вас есть способность к игре, - промолвил он учтивым голосом, вероятно заметив страдание моего самолюбия, - но вы дебютов не знаете. Вам надо книжку почитать, Аллгайера или Петрова.

- Вы думаете? Но где могу я такую книжку достать?

- Приходите ко мне; я вам дам.

Он назвал себя и сказал, где квартирует. На другой день я отправился к нему, а неделю спустя мы уже почти не расставались.

III

Нового знакомого моего звали Александром Давыдовичем Фустовьш. Он жил у своей матери, довольно богатой женщины, статской советницы, в отдельном флигельке, на полной свободе, так же как я у тетушки. Он числился на службе по министерству двора. Я привязался к нему искренне. В жизни моей я еще не встречал молодого человека более "симпатичного". Все в нем было миловидно и привлекательно: его стройная фигура, его походка, голос, и в особенности его небольшое тонкое лицо с золотисто-голубыми глазами, с изящным, как бы кокетливо вылепленным носиком, с неизменно-ласковой улыбкой на алых губах, с легкими кудрями мягких волос над немного суженным, но белоснежным лбом. Нрав Фустова отличался чрезвычайною ровностью и какою-то приятною, сдержанною приветливостью;

он никогда не задумывался, всегда был всем доволен; зато ни от чего не приходил в восторг. Всякое излишество, даже в хо-

¹ Как юноша из хорошей семьи (Франц.).

рошем чувстве, его оскорбляло: "Это дико, дико", - говаривал он в таком случае, чуть-чуть пожимаясь и прищуривая свои золотистые глаза. И удивительные же были глаза у Фустова! Они постоянно выражали участие, благоволение и даже преданность. Я только впоследствии времени заметил, что выражение его глаз зависело единственно от особенного их склада, что оно не менялось и тогда, когда он кушал суп или закуривал си-гарку. Аккуратность